

Ф. В. Мусатов*

СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Статья посвящена генезису теории государства и права в российской юриспруденции, анализируются дореволюционный и советский этапы ее становления. Делается вывод о том, что право и государство стали изучаться в рамках одной науки искусственно, при отсутствии для этого предпосылок в развитии юридической науки и потребностей исследовательской практики.

Ключевые слова: становление теории государства и права, дореволюционная юриспруденция, марксистская теория права, советская юриспруденция, господствующее понятие права

The article dwells upon an origin of the theory of state and law in the Russian jurisprudence, it is analysed pre-revolutionary and soviet stages in its formation and concluded that both a law and a state began studying in one science artificially, without any pre-conditions in a development of the legal science and needs of a research practice.

Key words: a formation of the theory of state and law, a pre-revolutionary jurisprudence, Marxist legal theory, Soviet jurisprudence, predominant conception of law

Современная отечественная юриспруденция, нередко именуемая постсоветской, находится в довольно сложном положении. Многие положения как философского, так и специально-юридического характера, некогда считавшиеся незыблемыми, разделявшиеся большей частью правового сообщества, сегодня пересматриваются, а иные — полностью отвергаются. Неожиданно выяснилось, что направление, в котором двигалась советская юриспруденция, оказалось ошибочным, а методы и средства, ею использовавшиеся, — односторонними, и в настоящее время они должны быть признаны неудовлетворительными.

Такой характеристики не избежала и ведущая наука в системе юриспруденции — теория государства и права. Возможно, именно в ее рамках сегодня ведутся наиболее масштабные дискуссии, которые имеют значение для всего государство- и правоведения в России. Одним из главных предметов обсуждения выступает научный статус теории государства и права и ее система. Можно расширить границы данной проблемы и поставить под сомнение *научность юриспруденции вообще*, если исходить из того, что «методологическая оснащенность решающим образом определяет эвристический потенциал, исследовательскую состоятельность конкретной науки, ее значимость и перспективы развития», а методология правоведения «является одной из наименее разработанных проблем нашей науки»¹. Разработка методологии юридической науки — только один аспект проблемы. Другой заключается в том, насколько оправданно объединение в рамках одной дисциплины изучения права и государства, соответствует ли такое положение традициям отечественной юриспруденции и тенденциям зарубежного правоведения, наконец, было ли обусловлено совместное изучение права и государства развитием самой науки или оно было вызвано какими-то внешними причинами. На эти вопросы нельзя дать ответа без обращения к истории юриспруденции.

* Мусатов Филипп Викторович — аспирант кафедры теории государства и права Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). E-mail: philip_mus@mail.ru.

¹ Тарасов Н. Н. Об основаниях методологических проблем нашего правоведения // Рос. юрид. журн. 2001. № 3. С. 3.

В Российской империи сложилась достаточно сильная юриспруденция. Приблизительные хронологические рамки ее «зрелого» этапа — вторая половина XIX — начало (до 1917 г.) XX в. В ней обсуждались самые различные проблемы государство- и правоведения, осуществлялись, используя современную терминологию, как общетеоретические, так специальные (отраслевые) исследования.

Если говорить об «общетеоретическом» направлении исследования государства и права, то в дореволюционной юриспруденции имелись существенные отличия по сравнению как с советской юридической наукой, так и с современным государство- и правоведением. Прежде всего дело в том, что дореволюционным российским юристам не была известна такая теоретическая область, как теория государства и права. Ее возникновение — «заслуга» советских юристов, работавших на «правовом фронте». В то же время следует признать, что единства в понимании того, какими должны быть «общетеоретические» исследования государства и права, у дореволюционных юристов не было. Существовали руководства к законам П. Дегай, М. М. Сперанского, Н. Рождественского, курсы по энциклопедии законоведения К. А. Неволлина, Н. Рождественского, теории права (общей теории права, юридической догматике) А. А. Рождественского, В. И. Лебедева, Н. А. Гредескула, М. Н. Капустина, Н. М. Коркунова, К. А. Кузнецова, В. М. Хвостова, Г. Ф. Шершеневича, юридической энциклопедии (энциклопедии права) Н. С. Суворова, Н. К. Ренненкампа, Ф. В. Тарановского, Е. Н. Трубецкого, философии права Н. Н. Алексеева, И. В. Михайловского, П. И. Новгородцева, Б. Н. Чичерина и др. Важно отметить, что в обобщающих работах о праве названных авторов нередко содержались и некоторые общие положения о государстве, но в основном они упоминались лишь постольку, поскольку это диктовалось потребностью познания права.

Наряду с изучением права существовало *самостоятельное, обособленное направление*, в котором исследовались общие вопросы государства (государственное право, общее учение о государстве). Среди дореволюционных государствоведов могут быть названы Н. Н. Алексеев, В. М. Гессен, А. Д. Градовский, Б. А. Кистяковский, Ф. Ф. Кошкин, Н. М. Коркунов, С. А. Котляревский, Н. И. Лазаревский, Б. Н. Чичерин, Ф. В. Тарановский и др.

Как видно, многие дореволюционные юристы не ограничивались изучением только права или только государства. Нередко в исследовательской практике они совмещали познание государства и права вследствие действительной их общности. Но все-таки их близость не давала основания объединять их в рамках одной теоретической области в силу существенной разнородности предметов этих наук.

Другой особенностью дореволюционной юриспруденции, прежде всего ее государствоведческой части, было то, что, несмотря на несомненную связь государства и политики, ученые-юристы дореволюционного времени не называли науку государственно-го права и тем более науку права (правоведение) *политическими науками*. Одним из первых на различие между государственным правом и политикой в нашей литературе указал Н. К. Ренненкампа. Ссылаясь на своих современников Моля, Эшера, Блунчли, автор замечал: «Под политикой разумеют учение о средствах к возможно полному достижению государством своих целей... Блунчли полагает, что политика есть учение не только о средствах, но и целях публичной жизни»¹. Показательна позиция Б. Н. Чичерина. В фундаментальном трехтомном «Курсе государственной науки» первый том посвящен общему государственному праву (существо государства, его элементы, государственное устройство, права и обязанности граждан и т. д.), а третий том — политике. В первом же предложении третьего тома автор указывал: «Политика есть наука о способах достижения государственных целей», это направление разнообразия общественных

¹ Ренненкампа Н. К. Очерки юридической энциклопедии: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1880. Т. 2. С. 268. На той же странице автор более детально разграничил предметы изучения государственного права и политики.

элементов и интересов «к тому, что составляет собственную цель государства. В этом и заключается задача политики»¹.

Что же касается советской теории государства и права, когда начинал обсуждаться ее научный статус (а ей в нем не отказывали), то неизменно в любых источниках (монографиях, учебниках, учебных пособиях, статьях) подчеркивалась ее *политическая ориентация*, т. е. теория государства и права понималась как политическая наука. В лучшем случае ее наделяли статусом политико-юридической, политический момент в ней всегда присутствовал². Это было обусловлено тем, что единственным источником права в Советском Союзе считалось государство, а политика, по «заветам» В. И. Ленина, «есть участие в делах *государства*, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства». Самым существенным в политике признавалось «устройство государственной власти»³. Различие предметов государственного права (общего учения о государстве) и политической науки (политологии) оказалось стертым, а право было превращено в инструмент (средство) государства (политики).

Несмотря на различие предметов науки о праве и науки о государстве, в дореволюционном правоведении было, по крайней мере, две книги, имевшие в названиях словосочетание «теория государства и права»: «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» Л. И. Петражицкого (в двух томах, Санкт-Петербург, 1907 г.) и «Общее учение о праве и государстве» И. А. Ильина (Москва, 1915 г.). Но ни о какой содержательной близости с советскими работами о государстве и праве говорить не приходится, даже в их наименованиях слово «право» предшествует слову «государство». В этих работах в основном освещаются вопросы права. Л. И. Петражицкий ярко выразил свое мнение об отношении между правом и государством: «Государственная власть есть... социально-служебная власть. Важнейшим служением общему благу со стороны государственной власти (субъектов подлежащих обязанностей и прав) является служение праву; и государственная власть есть власть служебная прежде всего и преимущественно по отношению к правам граждан и праву вообще»⁴. Мысли, родственные названным, можно обнаружить и в работе И. А. Ильина: «Государство есть союз людей, организованный на началах права... Тот, кто говорит о государстве, говорит о праве, ибо государство есть правовой союз; право есть как бы тот воздух, которым дышит государство»⁵.

Итак, можно заключить, что в дореволюционной отечественной юриспруденции имелись разнообразные воззрения на те теоретические направления, в рамках которых должно осуществляться познание права и государства. Но ученые-юристы дооктябрьского периода достаточно четко фиксировали, временами интуитивно, «линию разграничения» между правовой и государственной проблематикой, признавая вместе с тем взаимосвязь права и государства. *Предпосылок* для возникновения научной дисциплины, в которой бы одновременно излагалось и учение о праве, и учение о государстве, в дореволюционной юриспруденции не сложилось.

Октябрьский захват власти в 1917 г. можно считать точкой отсчета для советской юриспруденции. Разумеется, в первые месяцы и даже годы после этого имелись более насущные задачи, чем осуществление юридических исследований, но рано или поздно

¹ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Т. III. С. 599.

² См., например: Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940; Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949; Денисов А. И. Методологические проблемы теории государства и права. М., 1975; Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1977; Керимов Д. А. Общая теория государства и права: предмет, структура, функции. М., 1977.

³ Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 340; Его же. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы // Там же. Т. 23. С. 239.

⁴ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 181.

⁵ Ильин И. А. Теория права и государства // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 111, 115.

должно было начаться законодательное оформление нового строя, а это одновременно стимулировало и юридическую мысль, уже советскую.

Следует согласиться с А. В. Поляковым, который заметил: «Бурное и плодотворное развитие правовой теории в России в начале XX века испытало серьезный кризис после 1917 г., то есть после Октябрьской революции и победы большевиков. Постепенно в науке утвердилась марксистская догма, заменившая правовую науку правовой идеологией»¹, — но с некоторым уточнением. После узурпации государственной власти у большевиков были совсем иные задачи: они пытались удержать общество от распада, укрепить *государственную власть*, восстановить хозяйственную жизнь. Это заняло около 13–15 лет и только к началу 30-х гг. началась масштабная индоктринация, в том числе в юриспруденции, сопряженная с вульгаризацией учения К. Маркса. В общем-то только тогда «во весь рост» показалась фигура А. Я. Вышинского.

Пока же, т. е. сразу после октябрьского переворота, юридическая наука в значительной степени была предоставлена сама себе. В это время основательных, систематизированных курсов ни по теории права, ни по теории государства не появилось, поскольку юристы видели свое назначение в другом: они считали необходимым обосновать новое понимание права и государства, при этом полностью разрушив прежнее. Поэтому работы подавляющего большинства из них имели критическую направленность против «буржуазных ученых-юристов». И если вопрос о понимании государства и его роли в постреволюционный, переходный период был, можно сказать, решен благодаря работе В. И. Ленина «Государство и революция»², то о праве в переходный период ничего конкретного не было написано ни К. Марксом и Ф. Энгельсом, ни В. И. Лениным (каким должно быть «новое» право, сколько должно пройти времени для его окончательного отмирания, как оно относится к буржуазному праву и т. п.). Вследствие этого возникали различные трактовки права, авторы которых были едины в одном: они пытались построить теорию права на основе учения К. Маркса. Поэтому данный этап истории отечественной юриспруденции можно обозначить как *попытку построения марксистской (марксистско-ленинской) общей теории права*³. Отметим, что на этом этапе интеграции изучения права и государства в рамках одной науки не произошло.

Несмотря на многообразие трактовок права, появившихся в это время, в них можно выделить общие черты: во-первых, безусловное признание классового характера права, т. е. наличия права только в обществе, разделенном на классы и соответственно его отсутствие в доклассовом (родовом) и бесклассовом (коммунистическом) обществах; во-вторых, его революционный (революционно-диалектический) характер; право рассматривалось в движении, в борьбе классов (в противоположность «буржуазному догматизму»); в-третьих, несамостоятельный характер права, его поврежденность производственными отношениями (экономический детерминизм), т. е. право, равно как и государство, коренится в материальных условиях общественной жизни; в-четвертых, временный, преходящий характер права (на время диктатуры пролетариата), право, подобно государству, исчезнет в ближайшем будущем; в-пятых, рассмотрение права как средства эксплуатации (подавления, угнетения) имущим господствующим классом неимущих подчиненных классов.

¹ Поляков А. В. Общая теория права: курс лекций. СПб., 2001. С. 115.

² Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. Вместе с тем нужно отметить, что некоторые работы о государстве все-таки были изданы. См., например: Рейснер М. А. Государство. 2-е изд. М., 1918; Адоратский В. В. О государстве. М., 1923. В постреволюционное время вышли также работы, которые не имели никакого отношения к марксизму. См., например: Алексеев Н. Н. Введение в изучение права. М., 1918; Его же. Общее учение о праве. Симферополь, 1919; Его же. Очерки по общей теории государства. М., 1919; Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. М., 1919.

³ Плотниекс А. А. Становление и развитие марксистско-ленинской общей теории права в СССР. 1917–1936 гг. Рига, 1978.

Первую дефиницию «нового» права предложил заместитель народного комиссара юстиции РСФСР П. И. Стучка. Эта дефиниция была закреплена в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР», принятых 12 декабря 1919 г.: «Право — это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной силой его (т. е. классовым государством)». В. С. Нерсесянц назвал эту концепцию «классовым порядком»¹. Примечательно, что в одном из сочинений, приводя названное определение понятия права, П. И. Стучка в подтверждение своего мнения привел слова «кадетского профессора Муромцева», который понимал право как «совокупность юридических отношений (правовой порядок)», а правовые нормы — только как «некоторый атрибут (придаток) этого порядка»². Данное определение одновременно было направлено против юрико-позитивистской дефиниции права как совокупности норм (правил поведения), которая, кстати говоря, безраздельно утвердилась в 30-е гг. и сохранила доминирующее значение в теории права до сих пор. Ссылка на С. А. Муромцева была сделана несмотря на то, что автор — кадет, не учитывавший классовый характер права и государства, классовую борьбу, то, что «правоведение в науку превратила впервые Октябрьская революция 1917 г.»³. Таким образом, словесные отказы от буржуазного прошлого не могли скрыть преемственность правовых воззрений, в ряде случаев открыто декларируемую. В то же время в определении П. И. Стучки уже имеется *этатистская наклонность*, так как система (порядок) отношений соответствует интересам господствующего класса, организованного в государство, и охраняется им, а значит, неявно признается зависимость этих отношений от государства. С. А. Муромцев, предложив свою дефиницию права, кстати, отличную от господствовавших в тот момент понятий как в Германии, так и в России, подчеркнул отсутствие неперенной связи между правом и государством: «Так, юридическая защита наиболее свойственна государству. Это обстоятельство служит отчасти корнем известного недоразумения, которое ведет к тому предположению, что право существует будто бы только в государстве... Но история и научная теория должны назвать правом все то, что защищается юридическим образом хотя бы не государством»⁴. Юридическая защита — организованная защита, которая «осуществляется определенным заранее порядком и обыкновенно при содействии особенных, установленных для того органов»⁵. Итак, наличие права определяется не его происхождением от государства, а характером его защиты.

Другой видной и считавшейся конкурирующей по отношению к теории права П. И. Стучки концепцией была теория права Е. Б. Пашуканиса. Эта теория в современной литературе именуется «меновою»⁶ и оценивается достаточно высоко⁷. Несколько лет назад жизни и творчеству Е. Б. Пашуканиса была посвящена диссертация⁸. Е. Б. Пашуканис попытался на основе аутентичных (а не интерпретированных, точнее, вульгаризированных советскими идеологами) идей К. Маркса создать марксистскую теорию права. При этом сам автор скромно заметил, что «настоящая работа отнюдь не претендует на почетный титул марксистского руководства по общей теории права»⁹.

¹ Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2005. С. 170.

² Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучка: в 3 т. М., 1925—1927. Т. 3. С. 426.

³ Там же. С. 438.

⁴ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. СПб., 2004. С. 72.

⁵ Там же.

⁶ Поляков А. В. Указ. соч. С. 119.

⁷ Честнов И. Л. Актуальные проблемы государства и права. Эпистемология государства и права. СПб., 2004. С. 8.

⁸ Протопопов Е. Е. Политико-правовые взгляды Е. Б. Пашуканиса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

⁹ Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 33.

Основная мысль Е. Б. Пашуканиса заключалась в том, чтобы применить метод, использованный К. Марксом при исследовании капитала, к праву, осуществив критику основных юридических понятий буржуазной юриспруденции. «Критика буржуазной юриспруденции с точки зрения научного социализма должна взять за образец критику буржуазной политической экономии, как ее дал Маркс»¹. Вместо того чтобы определить понятие права (как делают большинство юристов в курсах общей теории права), Е. Б. Пашуканис дал анализ самого права как формы общественных отношений, т. е. право, по его мнению, выступает отражением социальных отношений, но не любых социальных отношений, вопреки точке зрения П. И. Стучки, а только некоторых. Такими социальными отношениями выступают *отношения товаровладельцев*. «Человек, производящий в обществе, — вот предпосылка, из которой исходит экономическая теория. Из той же основной предпосылки должна исходить общая теория права»². Таким образом, не нормы, установленные государством, порождают правоотношения через юридические факты, а сами нормы возникают на основе реально существующих общественных отношений, которые имеют правовой характер без их опосредования государством. «Основной предпосылкой, при которой все эти нормы имеют смысл, является наличие товарно-денежного хозяйства»³.

Отсюда следует и совершенно иное отношение между правовым и политическим. В будущем, в советской теории государства и права, политическое полностью подчинит себе правовое, предметом изучения советские юристы сделают не право, а закон (в более широком смысле — нормативный правовой акт), но изучаться он будет в рамках все-таки «марксистско-ленинской теории государства и права». В действительности, как показывает опыт Е. Б. Пашуканиса, ничего общего с марксизмом, кроме, пожалуй, признания классового характера государства и права и повторения пресловутой фразы о праве из программного, т. е. *политического*, документа «Манифест коммунистической партии», у советской теории государства и права не было. Она (теория) была значительно ближе к идеям В. И. Ленина: «...Право ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права»⁴, «мы ничего „частного“ не признаем, для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное. Мы допускаем капитализм *только* государственный, а государство — это мы, как сказано выше. Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в „частноправовые“ отношения; расширить право государства отменять „частные“ договоры; применять не *corpus juris* *gotanі* к „гражданским правоотношениям“, а *наше революционное правосознание*»⁵. Е. Б. Пашуканис писал совсем иное: «Стремление сделать идею внешнего регулирования основным логическим моментом в праве приводит к отождествлению права и авторитарно устанавливаемого социального порядка», «идея безусловного повиновения внешнему нормоустанавливающему авторитету не имеет ничего общего с правовой формой»⁶. Следовательно, «авторитарно устанавливаемый социальный порядок» вообще не является правовым порядком. В этом смысле характерно, что «идея внешнего регулирования» в будущем была реализована в частной правовой теории — теории правового регулирования и его механизма, — и в настоящее время в существенной степени определяющей мышление юристов (по крайней мере, теоретиков права). В этой теории правовое регулирование неправомерно сделалось *государственным регулированием*.

Теории П. И. Стучки и Е. Б. Пашуканиса были основными в создававшейся марксистской теории права. Но ими не ограничивалось ее содержание. В теории права тех лет

¹ Пашуканис Е. Б. Указ. соч. С. 56.

² Там же. С. 85.

³ Там же.

⁴ Ленин В. И. Государство и революция. Т. 33. С. 99.

⁵ Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д. И. Курскому // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 399.

⁶ Пашуканис Е. Б. Указ. соч. С. 30.

были представлены и типично позитивистские трактовки права (например, И. Подволоцкий), психологическое направление (М. А. Рейснер), имелись сторонники подходов как П. И. Стучки (М. Ю. Козловский), так и Е. Б. Пашуканиса (Я. Берман, М. Доценко). И все же доминирующими оставались концепции П. И. Стучки и Е. Б. Пашуканиса, между приверженцами которых в основном и проходила идейная борьба в 20-х гг. Таким образом, и становление марксистской теории права в 1917–1930 гг. *не создало предпосылок* для возникновения науки теории государства и права.

Если в первые годы большевистского режима наблюдалась относительная свобода в научных дискуссиях, что и породило известный плюрализм в «теориях права», то с начала 30-х гг. ситуация заметно изменилась. Большевики почувствовали, что им удалось удержать узурпированную государственную власть, поэтому поиск внешних врагов уступил место поиску внутренних, особенно в рядах самой большевистской партии. Это не могло не сопровождаться усиливающимся идеологическим давлением, когда любое отступление от позиции «вождя» рассматривалось как предательство «дела партии и народа». Начавшееся с партийных работников изобличение врагов народа перешло на все группы населения. Особенно сильно в те годы пострадало научное сообщество, в том числе юридическое.

В условиях усиливающегося идеологического давления, по словам В. С. Нерсесянца, «представители различных направлений правопонимания вносили существенные изменения и коррективы в свои подходы к проблемам права и государства. Под лозунгом преодоления отрыва „теории от практики“ роль и назначение общественных наук, включая и юридическую, сводились к апологии „генеральной линии“ партии, ее идеологии и практической политики»¹. Последовательно началась критика воззрений П. И. Стучки, Е. Б. Пашуканиса, Л. Резцова, А. К. Стальгевича². В 1931 г. проведен I Всесоюзный съезд марксистов-государственников и правовиков, на котором «была предпринята попытка формирования некой единой „правильной“ позиции и линии (по аналогии с „генеральной линией“ в политике) в вопросах правопонимания»³. Но сделать это не удалось, поэтому споры и обоюдные уличения продолжались.

В 1932 г. П. И. Стучка ушел из жизни, ведущим теоретиком права остался Е. Б. Пашуканис, хотя с каждым годом критика в его адрес усиливалась. В результате к середине 30-х гг. Е. Б. Пашуканис настолько видоизменил «меновую теорию», что признал существование «социалистического права», которого по первоначальным положениям его теории просто не могло быть. Безусловно, изменение его точки зрения было вызвано усиливавшимся давлением. Понимая опасность своего положения, автор пытался преодолеть «прежние заблуждения», но было уже поздно. Судьба идей и самого Е. Б. Пашуканиса трагична.

С начала 30-х гг. аутентичные, а не кем-то интерпретированные идеи К. Маркса перестали соответствовать углубляющейся идеологизации юриспруденции и мировоззрения вообще. Из его наследия извлекалось только то, что соответствовало высказываниям В. И. Ленина и И. В. Сталина. Образовался «правовой фронт» вместе со своим «генералом» А. Я. Вышинским, который не стеснялся в выражениях. Главную работу Е. Б. Пашуканиса — «Общая теория права и марксизм: опыт критики основных юридических понятий» (1924 г.) — А. Я. Вышинский назвал «вредительской», а автора — «вре-

¹ Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 261.

² Критика воззрений П. И. Стучки и Е. Б. Пашуканиса была «открыта» журналом «Советское государство и революция права» в № 1 за 1930 г. На протяжении 1930 и 1931 гг. на страницах этого журнала происходила идейная борьба с взаимными обвинениями. В результате и П. И. Стучка, и Е. Б. Пашуканис признали «допущенные ими ошибки» и во многом отказались от положений своих теорий (особенно Е. Б. Пашуканис) (Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 267 и след.).

³ История политических и правовых учений: учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 902.

дителем», который «ныне разоблачен»¹. Действительно, в 1937 г. Е. Б. Пашуканис был объявлен врагом народа и приговорен к расстрелу. Новый главный теоретик права не вызвал симпатии у западных исследователей. Так, Лон Л. Фуллер книгу «Право Советского Союза», изданную под редакцией А. Я. Вышинского в США в 1948 г., оценил весьма низко, указав, что во многих ее частях «ярлыки более важны, чем идеи», сама она избилует «бессодержательностью, полна оскорблений и банальностей»². В то же время ведущим юристом России до «господства Вышинского» Лон Л. Фуллер называл Е. Б. Пашуканиса, подробно останавливаясь на разборе его книги «Общая теория права и марксизм», подчеркивая, что в ней автор «ясно и последовательно излагает оригинальное развитие теории Маркса» и эта книга написана «в лучшей традиции Маркса», является «результатом высокой образованности и осведомленности»³.

Событием, которое в значительной степени определило на многие годы направления развития советской юридической науки, перечень обсуждаемых в ней проблем и характер их решения, стало I Собрание по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.). Его вдохновителем и главным докладчиком стал А. Я. Вышинский, сделавший выступление на тему «Основные задачи науки советского социалистического права»⁴. Отметим два обстоятельства. Во-первых, в наименовании собрания еще не было упоминания о теории государства и права, но к этому сделан существенный шаг, так как теория выступает основной формой организации научного знания и часто термины «наука» и «теория» используются как синонимы. Кроме того, в тексте доклада А. Я. Вышинского встречается название «марксистско-ленинская теория права и государства». Во-вторых, советское право было объявлено А. Я. Вышинским «социалистическим правом»⁵, которое должно совершенствоваться благодаря «советской науке права». Как видно, провозглашалось, что советское право по окончании переходного периода диктатуры пролетариата не только не «отомрет», но и, напротив, должно развиваться и углубляться. «Надо сказать, что юридической разработке теории права вообще и государственного права в частности мешала вредительская деятельность пашуканисов и К^о, отрицавших самую возможность построения такой теории», «...пашуканисы отвергали самую возможность построения советской социалистической теории права. Они отрицали наличие у советского права своих обобщающих понятий, они ориентировались на отмирание категорий права и права в целом, что, естественно, исключало всякую надобность в построении теории права», «всякую попытку построить теорию социалистического права они объявляли попыткой прокламировать бессмертие формы права и самого права, которое-де в условиях социалистического общества неспособно к обновлению и расцвету»⁶. Уже из этого видно, насколько радикально данные суждения отличались как от тех, которые имели место в 20-х гг. во время становления марксистской теории права, так и от различных высказываний самого К. Маркса по вопросам права и экономики.

За основу предложенного определения права было принято положение «Манифеста коммунистической партии» (*политического, программного документа*, но никак не научного сочинения), высказанное К. Марксом и Ф. Энгельсом между прочим, без достаточного обоснования и лишь в связи с предполагаемым исчезновением частной

¹ Вышинский А. Я. Доклад на заседании Отделения общественных наук АН СССР 27 апреля 1938 г. // Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 24, 28.

² Fuller Lon L. Pashukanis and Vyshinsky: a study in development of Marxian legal theory // Michigan law review. Vol. 47. № 8. P. 1158, 1159.

³ Ibid. P. 1159.

⁴ Вышинский А. Я. Указ. соч. С. 53–122.

⁵ Хотя термин «социалистическое право» принадлежит Е. Б. Пашуканису, ссылку на работы последнего А. Я. Вышинский не сделал (История Института государства и права Российской Академии Наук // URL: http://www.igpran.ru/about/history_of_the_institute/index.php).

⁶ Вышинский А. Я. Указ. соч. С. 71, 73.

собственности в коммунистическом обществе. Иные идеи К. Маркса о праве, в частности приведенные в работах «К еврейскому вопросу», «К критике гегелевской философии права. Введение», «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Критика Готской программы», наконец, в «Капитале» и других сочинениях, были проигнорированы. Вот эта дефиниция: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»¹. Характерно, что основой данного определения стала воля – категория философии Г. В. Ф. Гегеля, против которой К. Маркс возражал в ряде своих сочинений²; господствующим классом объявлен рабочий класс, т. е., борясь с господством одного класса, возвеличили другой. Слагаемые поменяли местами, но исходное положение (неравенство и угнетение) в результате сохранилось. Таким образом, данная дефиниция права имела мало общего с аутентичным марксизмом. Значительно ближе она была к обыкновенному правовому позитивизму, а точнее, к *правовому этатизму*, потому что сфера права полностью определялась государством и зависела от него. В связи с этим справедливо суждение В. М. Сырых: «Согласно научному фольклору советский курс общей теории права 40–50-х гг. был не чем иным, как курсом Г. Ф. Шершеневича, лишь немного причесанным под марксизм»³.

Определение понятия права, хотя и «приблизительное», по словам А. Я. Вышинского, было сформулировано. Поэтому теоретикам права оставалось лишь сообразовывать свои рассуждения с ним и другими положениями указанного доклада, иными работами А. Я. Вышинского. Тогда же, 1938 г., появился «Курс советского социалистического государственного права», а в 1940 г. увидел свет первый в мире учебник по теории государства и права С. А. Голунского и М. С. Строговича. Это объяснялось так: «если право ничто без государства, то и изучать их необходимо вместе»⁴. Примечательно, что ни один из его авторов не был теоретиком права: С. А. Голунский известен прежде всего как криминалист, а главным предметом интереса М. С. Строговича был уголовный процесс, хотя в творческом наследии каждого из них имеются общетеоретические работы. Данные авторы повторили дефиницию права А. Я. Вышинского и использовали ее при освещении других вопросов теории права (норма права, правоотношение, отношение между правом и другими социальными нормами и др.), детальнее обосновав *принудительный характер права*: «правило поведения становится правовой нормой лишь тогда, когда его соблюдение обеспечивается принудительной силой государства»⁵.

Подводя итог, можно заключить, что возникновение науки теории государства и права в отечественной юриспруденции произошло по конъюнктурным соображениям, *при полном отсутствии к тому предпосылок* в юридических исследованиях. Как отмечается, на названном Совещании было «одобрено общее определение права, до той поры отсутствовавшее в советской юридической теории»⁶. Следовательно, объединение в рамках одной науки изучения как права, так и государства не было органичным результатом развития самой исследовательской практики (и тем более правовой теории), а обуславливалось внешними по отношению к ней причинами: необходимостью теорети-

¹ Вышинский А. Я. Указ. соч. С. 83.

² Например, в работах «К критике гегелевской философии права», «Экономическо-философские рукописи 1844 года».

³ Сырых В. М. Логические основания общей теории права. 2-е изд., стереотип. М., 2004. Т. 1: Элементный состав. С. 38.

⁴ Честнов И. Л. Указ. соч. С. 8, 9.

⁵ Голунский С. А., Строгович М. С. Теория права и государства. М., 1940 // Строгович М. С. Избранные труды. Проблемы общей теории права. М., 1990. Т. 1. С. 38.

⁶ История Института государства и права Российской Академии Наук.

ческого оправдания широко распространявшегося огосударствления жизни советского общества, подчеркивания ведущей роли государства в нем. К несчастью, эта традиция сохраняется и в настоящее время вопреки бросающемуся в глаза эклектизму: раздел «теория права» по объему значительно превышает раздел «теория государства», в последнем во многом, только более поверхностно, повторяется материал последующих курсов о государстве: «Конституционное право Российской Федерации», «Конституционное право зарубежных стран» и др. Курс по *общей теории государства*, в котором бы действительно рассматривались вопросы, общие для всех государств (понятие государства, компоненты государства, гражданство, закон, административно-территориальное устройство и др.), подобные дореволюционным сочинениям А. Д. Градовского, Б. Н. Чичерина, Н. М. Коркунова, В. М. Гессена и др., в настоящее время отсутствуют.

Выход из сложившегося положения видится в возрождении забытых традиций российской юриспруденции благодаря возвращению в науку сочинений дореволюционных российских юристов. При этом нельзя полностью вычеркивать советский период развития нашей юриспруденции. Было бы ошибкой полагать, что в ней была исключительно идеология и не было ничего, относящегося к науке (а так, увы, нередко считается, особенно по отношению к советской философии). Поскольку советская юриспруденция была позитивистски ориентированной (но позитивистской все же не являлась), то многие проблемы догмы права были детально исследованы, прежде всего в общетеоретическом отношении. В настоящее время требуется анализ этих результатов в новых социально-культурных условиях и с иных философских и методологических позиций. Наконец, отечественная юриспруденция не должна быть изолированной, замкнутой, а должна находиться во взаимодействии с тенденциями зарубежного государство- и правоведения. Благодаря этим веяниям могут быть решены актуальные проблемы не только теории государства и права, но и отечественной юриспруденции в целом.

Обращение к истории отечественной юриспруденции позволяет сделать некоторые выводы относительно современного состояния теории государства и права. Во-первых, эта наука *не образовалась*, а была *создана* в тот период истории нашего Отечества, когда свободная мысль была изгнана даже из философии и науки, при отсутствии предпосылок к этому в развитии самой науки. Во-вторых, философские основания советской теории государства и права были только *словесно* родственны марксизму. В действительности советским правоведам так и не удалось вскрыть механизм экономической детерминации права, поэтому более точно называть советскую теорию государства и права *не марксистско-ленинской, а позитивистски ориентированной*. В-третьих, можно утверждать, что в системе теории государства и права теория права заметно преобладает над теорией государства, а *общая теория государства (общее государственное право)* на настоящий момент отсутствует. Имеются преимущественно *описательные* курсы по конституционному праву России, конституционному праву зарубежных стран и т. п., в которых в основном нет теоретических положений, касающихся государства вообще.

Названные проблемы, конечно, не исчерпывают всей проблематики, связанной со статусом, методологией, системой теории государства и права. Но одно положение видится достаточно ясно: попытки некоторых современных правоведов преодолеть позитивистскую ориентацию теории государства и права будут успешными, если право и государство будут исследовать отдельно, в рамках самостоятельных дисциплин (возможно, наук): теории (общей теории) права и теории (общей теории) государства.